

«КАК БУДТО Я ЕГО СБИЛ...»

Владимир РЯБОЙ

Эту историю нельзя описывать кроме как в жанре художественной литературы. Необычный сюжет написан жизнью, остаётся только следовать ему и передать наиболее точно.

В большой палате урологического отделения Больничного городка в последние три ночи я оставался один. За окном ближе к ночи стихали последние звуки. Затихали шаги в коридоре. Тут бы и заснуть. Но мой «философский» камень в левом боку вновь и вновь напоминал о себе и грозил бессонной «философской» ночью.

Так было и в эту зимнюю ночь.

Ближе к двенадцати пришла медсестра «Вена Куда-то Ваша Пропала», вколола баралгино-анальгиновый коктейль. И на короткий период ночного времени наступила короткая пора покоя и блаженного забытья...

Показалось, что прошли какие-то минуты, и тут что-то вдруг заставило вскинуться, но не от боли, а от подсознательного ощущения того, что вокруг происходит что-то странное, пугающее. Испуг пришёл во сне, он же и прервал короткий сон.

Не понимая, что происходит, приподнялся на локти и прислушался.

И в этот момент в палате среди полной, устоявшейся в позднее время тишины зазвучал голос. В пустой палате, да ещё и обезлюдевшей чуть ли не на целую неделю, он сам по себе был непривычен...

Но для сознания, лихорадочного сознания, уязвленного болезнью и бессонницей, потрясением был именно тембр голоса. Он звучал ровно, без усиления, но это был голос «поставленный на основу», как будто из пустой бочки. Отражённый от стен и потолка в пустом помещении, он усиливался и накрывал, будто львиный рык. Это должна была быть мощная глотка и комплекция тела соответствующая.

Кто-то в просторной полупустой палате не просто разговаривал, а вёл диалог. Это был художественный диалог, где главной была саркастическая интонация.

Голос звучал в дальнем углу. Я присел на кровати, покрутил головой, включил ночник и, надев тапочки, отправился в дальний угол. «Ну, слава Богу, не почудилось».

На той кровати в углу спал пожилой мужчина, миниатюрный, с обострившимися чертами лица. Занимая при этом на постели какую-то четвертую её часть. Видно, из тех, кто ночевал в коридоре на раскладушках. «Громыхало из-под Мышки», — вспомнилась мне цитата из замечательного фильма «про войну».

Я сел на кровать напротив и прислушался. В его речи было много личного из прошлой и нынешней его жизни — об отношениях с братом, с невесткой. О жизни в деревне, корове и сене. Фразы были обрывочные, бессвязные, но вполне понятные по смыслу, представлявшие его родных и знакомых. Часто в речи звучали междометия. А когда он произносил «хе, хе, хе», мне почему-то представлялся образ Мефистофеля, настолько его язвительный голос был выразителен.

Но заснуть во время этого спектакля у меня просто не хватило бы мужества. Я собрался было его разбудить, но в этот момент он прокричал: «Смотри, а ещё там был «Беломор», в самолёте... у немцев». И опять — про избу, дрова, полати и завалинку.

...На следующий день, после завтрака, процедур, я подсел к нему в коридоре, на глазах у многочисленных больных, бывших, так сказать, свидетелями.

— Вы извините, но вы говорите во сне... Хотя, я не об этом хотел поговорить. О немцах и папиросах «Беломор»...

— Это ещё с войны, — сказал он, — меня жена всё ругает. Будит по ночам, а то и к дочке убегает.

Что удивительно — его голос звучал в верхнем регистре, как будто это был совсем другой человек.

— Да это ладно, — успокоил я его, — бывает. Но вы там что-то про немцев говорили... Это из прошлого или из книг?

Часть деревни
Дальнее Натраново
(Калужская область).
1943 год.
Немецкий фотограф
Реммер показал
русскую деревню.

Немецкий бомбардировщик, подбитый под Рыбинском и выставленный у городского сквера в 1943 году.

Он призадумался, как будто что-то вспоминал, и поведал о давно прожитом, но не забытом.

Его зовут Сергей Николаевич Мешкарин, живёт он в районе магазина «Дружба».

Это было осенью 1943 года. Ему тогда исполнилось 15 лет. Жил с матерью в деревне Полуево Рыбинского района. В тот день ранней осенью они с приятелем Василием в поле пахали на быках недалеко от Волги.

В какой-то момент они услышали звук, а потом и увидели летевший со стороны Ярославля самолёт с крестами на крыльях. Он шёл один без прикрытия истребителей, держа курс на Великий Новгород. К этому времени жители окрестных сёл уже привыкли к налётам и не особо боялись, тем более что вражеские бомбардировщики летали всё реже и обычно возвращались с бомбёжек пустые, да и патроны берегли. Не 41-й.

На подлёте к полю, где пацаны, оставив быков, тревожно вглядывались в небо, бомбардировщик вдруг резко стал снижаться.

— Смотри, — крикнул Василий.

Позади немецкого самолёта и значительно выше маленькая точка в небе превратилась в быстро приближающийся краснотрёхзвездный самолёт.

— Наш, истребитель, ну, сейчас будет...

Тот быстро настигал немца, поневоле заставляя фашиста прижиматься

к земле. Раздался звук пулемётной очереди, потом заработала пушка.

Немецкий самолёт потерял скорость, заваливаясь носом вниз. Лётчику удалось его выровнять, и он вынужденно пошёл на посадку прямо на только что вспаханное поле. Ни огня, ни дыма не было видно.

Советский истребитель почему-то не стал садиться, а развернулся и улетел в сторону Рыбинска.

Бомбардировщик буквально бухнулся, не выпуская шасси, в нескольких десятках метров от мальчишек, замерших на полосе, и, потеряв скорость, полз на брюхе по пашне, как казалось, прямо на них. Сергей испугался, но не за себя, а за скотину. Немец не дополз до них буквально с десяток метров и замер.

Открылись люки, из самолёта буквально выпали четыре лётчика в комбинезонах, но без парашютов. В руках держали лёгкую красивую резиновую лодку. Не обращая внимания на замерших в страхе мальчишек, они бросились бежать в сторону Волги и пропали.

Прошло некоторое время... Снова послышался звук самолётного мотора. Это был «кукурузник». Он приземлился прямо на поле, недалеко от вспаханной полосы. Буквально через минуту к ребятам уже бежал лётчик с пистолетом в руках.

— Где они? — крикнул он на ходу Сергею и собравшимся вокруг бомбардировщика, сбежавшимся из окрестных сёл колхозникам.

— Они вон туда побежали, к Волге, — закричали, перебивая друг друга, Сергей и Василий.

Лётчик снова бросился к «кукурузнику». Было слышно, как он разговаривает по радиации со своим командованием. А потом медленным, спокойным шагом подошёл к местным жителям.

— Взяли гадов, в амбаре прятались. У меня патроны кончились, а так хрен

Разрушенные
цеха моторо-
строительного
завода.

бы они у меня ушли. Ну-ка, отойдите от самолёта, враг всё-таки, мало ли чего...

Женщины, старики, мальчишки и девчонки окружили «крестоносца» и с любопытством смотрели на него.

Лётчик забрался на крыло бомбардировщика, в кабину и вытащил из мешка парашют.

Девчонки загалдели:

— Дяденька, а можно нам взять материи на носовые платки. У нас даже носовых платков нет.

Лётчик оказался добрым:

— Нате, кромсайте. Тут и на платье хватит.

Остальные парашюты загрузил в «кукурузник».

Ещё пошарил и вытащил четыре

пачки папирос «Беломорканал».

– Ты видал, уважают наши папиросы, пацлуги. Эй, деды, разбирай.

Долго ещё деревенские слушали рассказ лётчика, как он расправился с бандитом.

Позже бомбардировщик отправили на больших санях в город. Только крылья ему отрезали, чтобы транспортировать было легче.

Поставили его прямо у сквера.

Долго он там стоял.

В 2007 году в Ярославле вышла книга А. Чикалева и В. Малкова «Пожарная охрана Ярославского края». На 293 странице можно видеть тот самый немецкий бомбардировщик с крестом и свастикой, сбитый под Рыбинском. Без крыльев... В книге помещена фотография самолёта и картина на тему пожара элеватора.

Сергей Николаевич, поведав мне эту

Пожар на Рыбинском элеваторе после налёта немецкого бомбардировщика. 1942 г.

историю, усмехнулся:

– Этот самолёт мне и снится всё время. И как будто бы я его сбил. Во сне всем рассказываю об этом. Как с ума сошёл. •